

УДК 902.2

В.И. Молодин

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА В ЗАПАДНОЙ БАРАБЕ (ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ. XIV–VIII ВЕКА ДО Н.Э.)*

В эпоху поздней бронзы в правобережной части лесостепного Прииртышья складывается свита культур при доминирующей роли ирменской культуры. В разных зонах означенного региона проживают носители ирменской, сузгунский, пахомовской культур, а также культуры валиковой керамики. Степень их взаимодействия была разной. В последующий переходный период от эпохи бронзы к железному веку процесс формирования свиты культур усиливается. На данную территорию мигрируют группы населения с севера, запада и юго-запада, которые образуют крупные городища-фактории.

Ключевые слова: поздняя бронза, переходное время от эпохи бронзы к железному веку, Правобережное Прииртышье, Западная Сибирь.

Введение

Территория лесостепного Обь-Иртышья, именуемая Барабинской лесостепью, была освоена человеком еще в период позднего плейстоцена. Благодаря ее активному изучению, начатому в конце 1970-х гг., уже в начале 1980-х гг. была создана концепция историко-культурного развития популяций от эпохи неолита до периода позднего Средневековья [Молодин, 1983]. Материалы полученных во время последовавших за этим археологических изысканий на данной территории позволили разработать и ввести в научный оборот ряд фундаментальных положений, которые легли в основу новых реконструкций для бронзового века [Молодин, 1985], раннего железного века [Полосьмак, 1987], раннего и развитого Средневековья [Елагин, Молодин 1991; Бараба..., 1988], а также позднего Средневековья и Нового времени [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990].

*Исследование поведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Одним из результатов исследования уникальных по информативности погребальных и поселенческих комплексов явилось значительное расширение круга источников, необходимых для корректировки положений концепции, а порой и ее изменения. Работа по совершенствованию концепции особенно усилилась в связи с широким использованием археологами методов естественных и точных наук, иначе говоря, мультидисциплинарного подхода [Молодин, 2010a; Мультидисциплинарные исследования..., 2013].

Большой объем накопленных к настоящему времени материалов раскопок и теоретические разработки позволяют на принципиально новом уровне рассматривать процессы этнокультурогенеза в регионе, конкретизировать и детализировать отдельные явления уже на локальных территориях. Именно этой детализации культурно-исторических процессов в наиболее хорошо изученной части Барабинской лесостепи периода поздней бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к железному веку посвящена настоящая работа.

Результаты исследования

К западной части Барабинской лесостепи, или лесостепного Прииртышья, следует относить территорию, естественными рубежами которой являются: на западе – р. Иртыш, на востоке – водораздел Иртышского и Обского бассейнов (верховья правых притоков Иртыша – рек Омь, Таргас и Тара), на севере – граница между лесостепной и таежной зонами, на юге – граница между Барабинской лесостепью и Кулундинской степью [Панадиади, 1953] (рис. 1). В силу климатических изменений границы ландшафтных зон здесь всегда были подвижные. В более влажные климатические периоды таежные массивы смещались на юг и тогда лесостепь отступала тоже на юг, отвоёвывая пространства у степи. Эти природно-климатические явления оказывали важное, а порой решающее влияние на формирование этнокультурной ситуации в рассматриваемой зоне.

С учетом подвижности границ природно-климатических зон можно (хотя бы приблизительно) пред-

положить, что протяженность рассматриваемой территории с севера на юг достигала порядка 210 км, с запада на восток – 225 км, а ее площадь составляла приблизительно 47 250 км² (она сопоставима с площадью таких современных государств, как Дания или Бельгия).

Называя данную территорию лесостепью, мы должны иметь в виду, что не все ее части были одинаково комфортными для обитания человека. Природные особенности порой являлись фактором, определявшим направленность экономики населения в этих зонах. Так, более облесенная северная часть лесостепи, изобилующая и сегодня болотами (рис. 2), была не вполне комфортной для жизни человека. Ландшафт здесь предполагал занятия в основном охотой и собирательством, в меньшей степени – рыболовством и скотоводством и исключал земледелие.

Центральная (рис. 3) и южная (рис. 4) зоны лесостепи, богатые удивительным травостоем с неповторимым букетом трав, грядным рельефом и широко-

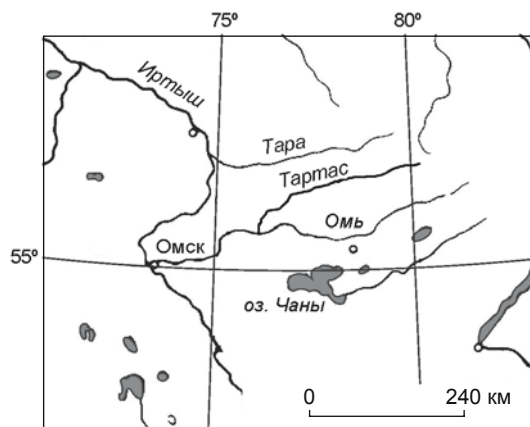

Рис. 1. Правобережное Прииртышье.

Рис. 2. Типичный ландшафт северной части Барабинской лесостепи.

Рис. 3. Типичный ландшафт центральной зоны Барабинской лесостепи.

Рис. 4. Типичный ландшафт южной зоны Барабинской лесостепи.

ми речными поймами, были очень комфортными для жизнедеятельности человека. Здесь имелись условия для развития скотоводства, причем разных направлений. Огромное количество озер с колоссальным запасами рыбы давало человеку возможность активно заниматься промысловым рыболовством. Такие отрасли экономики, как охота и собирательство здесь были несомненно подсобными. Специфика благоприятных (хотя и неустойчивых) для жизнедеятельности человека климатических условий в этой части Барабинской лесостепи способствовала формированию ранних форм земледелия. Речные системы в рассматриваемом регионе не только определяли развитие рыболовства, но и являлись магистралями, по которым двигались отдельные популяции, а порой и масштабные миграционные потоки.

Особое внимание следует обратить на наличие в рассматриваемой зоне своего рода оазисов – территорий, наиболее пригодных, даже в периоды природных катаклизмов, будь то засуха или обводнение, для развития палеоэкономики практически всех перечисленных выше направлений или для выживания популяций в неблагоприятные годы. Таких оазисов здесь, конечно, не могло быть много. Один из них находился в месте слияния Оми и Тартаса, где были система террас и широкая многокилометровая пойма (своего рода сибирская саванна) с богатейшими запасами рыбы и дичи, а также стабильным травостоем даже в периоды климатических трансгрессивных или регрессивных оптимумов. Наверное, такими оазисами можно считать места впадения в Иртыш рек Омь и Тара. Здесь сформировались очень благоприятные условия для человека, но близость к могучей водной магистрали – Иртышу, который связывал северный таежный мир с южными территориями Центральной Азии, являлась фактором риска в его жизни. Еще одним своеобразным оазисом, несомненно, была акватория крупнейшего в Западной Сибири оз. Чаны, которое в то время занимало одно из первых мест в мире по величине [Пульсирующее озеро Чаны, 1982] и обладало подвижным (в зависимости от трансгрессивных процессов) зеркалом и огромными поймами. Во все времена оно отличалось богатыми биоресурсами.

Четыре названные оазиса практически во все исторические эпохи были привлекательными для человека, о чем свидетельствует, в частности, особая концентрация здесь археологических памятников. Именно к таким оазисам приурочены т.н. археологические микрорайоны (во всяком случае Венгеровский и Тарский) [Молодин, Новиков, 1998; Нижнетарский археологический район, 2001]. Все приведенные выше характеристики можно экстраполировать на рассматриваемые в настоящей работе эпоху поздней бронзы и переходное время от эпохи бронзы к железнному веку. Данный

период является совершенно особенным, и я попытаюсь продемонстрировать это в настоящей работе.

Климатические условия в Западной Сибири (в т.ч. в означенном районе) в эпоху поздней бронзы и последующий переходный период к раннему железнному веку были разными. В XIV – первой половине X в. до н.э., т.е. в последней трети II тыс. до н.э., когда на юге Западной Сибири существовали культуры эпохи поздней бронзы, проявлялась тенденция к потеплению и аридности (в общих чертах она соответствует палеоклиматической схеме А.В. Шнитникова [1957], археологическим наблюдениям М.Ф. Косарева [1979] и других археологов). В это время практически вся территория лесостепного Правобережного Прииртышья характеризовалась вполне комфортными условиями для жизнедеятельности человека. Она была пригодна для стабильного проживания не только автохтонного населения, но и представителей других этнокультурных групп скотоводов, прежде всего пришельцев с запада. Напомню, что мощные миграционные потоки носителей андроновской (федоровской) культуры стали проникать в западно-сибирские степи и лесостепи как раз в период развитой бронзы (II тыс. до н.э.; см., напр.: [Молодин, 2011]).

В IX–VIII вв. до н.э. климатическая обстановка в регионе, как и в Евразии в целом, худшилась. По данным палеогеографов, здесь резко похолодало, установились максимально низкие для голоцена вообще температуры; специалисты называют этот период «ледниковым» [Левина, Орлова, 1993].

Для обитателей Западной Сибири, особенно высокоширотных зон, это имело катастрофические последствия (в одной из работ я даже назвал этот период «экологическим стрессом» [Молодин, 20106]).

Широкомасштабное обводнение и заболачивание территории таежной зоны Западной Сибири в совокупности с крайне низкими температурами вынуждали людей покидать привычные зоны обитания и мигрировать на юг, в лесостепь, что, в свою очередь, вызывало движение носителей местных культур в различных направлениях, подобное броуновскому. В результате в рассматриваемой части Правобережного Прииртышья сложилась своеобразная этнокультурная ситуация, которая еще недавно исследователям, включая меня, казалась очень простой. На современном уровне знания она представляется очень сложной и в свете данных о существовании и развитии здесь археологических культур – динамичной.

Период поздней поры бронзового века в означенном регионе ознаменован сменой существовавшей здесь андроновской (федоровской) культуры эпохи развитой бронзы ирменской культурой [Молодин, 1985]. Этот процесс нашел отражение на огромных пространствах западно-сибирских лесостепей от Минусинской котловины на востоке до левобережного

Прииртышья на западе. Важно отметить, что в антропологическом (и, вероятно, генетическом) отношении андроновцы (федоровцы) не были однородными. В их материальной и особенно духовной культуре, прежде всего погребальной практике, представленной в означенном регионе Северной Азии, выявлены черты своеобразия. Наличие особенностей объясняется тем, что пришедшие на данную территорию в начале II тыс. до н.э. андроновцы (федоровцы) продолжали развиваться самостоятельно или начинали активно контактировать с местным аборигенным населением, включавшим представителей разных этнокультурных образований. Взаимодействие было достаточно длительным, сложным по сути и разнохарактерным. Нередко оно порождало смешение пришлого и аборигенного населения, однако развитие этих процессов на указанной территории (в лесостепях и степях) всегда приводило к доминированию культурных традиций пришельцев. На заключительном этапе эпохи развитой бронзы автохтонное население полностью растворяется в среде пришельцев или вытесняется на сопредельные территории.

Таким образом, в первой половине II тыс. до н.э. в разных частях лесостепей от Енисея до Иртыша адаптация пришельцев-скотоводов к новым условиям протекала неодинаково. Проявления этого процесса в каждой конкретной зоне должны быть предметом специального изучения. На рассматриваемой территории Правобережного Прииртышья андроновцы (федоровцы) сначала опосредовано, а затем непосредственно активно контактировали с аборигенным позднекротовским населением. В результате этих связей сложилась гибридная позднекротовская (черноозерская) культура [Молодин, 2014]. Ее анализ в динамике позволяет сделать выводы об усилении доминирующей роли пришлого андроновского (федоровского) населения и его «возвращении» к утраченным традициям в собственной культуре и погребальной практике.

В XIV в. до н.э. на огромной территории западно-сибирских лесостепей между Минусинской котловиной и Иртышом произошел (по сути скачкообразно) переход к новой культуре периода поздней бронзы – ирменской. (Как особая археологическая культура выделена Н.Л. Членовой [1955].) Интересно, что в отдельных зонах ее проявления в материальной и духовной сферах, конечно же, имели особенности (см., напр.: [Степаненко, 2012]) при сохранении общего колорита культуры.

Как и почему произошел этот переход от мощной андроновской историко-культурной общности к культурным образованиям эпохи поздней бронзы, в частности, ирменской? Я не нахожу убедительных ответов на этот вопрос. Несомненно, что он требует специального рассмотрения. Пока же можно констатировать, что от предшественников носители ирменской культу-

ры унаследовали как отдельные элементы погребальной практики: погребение умершего в скорченном положении, подкуранные захоронения, сооружение оград из камня или ровиков, элементы декора и т.д., так и европеоидные черты [Чикишева, 2010].

Ирменская культура характеризуется своеобразными глиняной посудой, погребальной практикой, домостроительством, хозяйственной деятельностью. Ее носители в отличие от андроновцев (федоровцев) расселялись на территории к западу от Енисея и Минусинской котловины, где сформировалась эпохально близкая ирменской карасукская культура, выделенная в 1920-е гг. С.А. Теплоуховым [1929].

К настоящему времени ирменская культура исследована довольно неплохо. Разумеется, степень ее изученности в разных частях ареала неодинакова, однако устранение белых пятен в представлениях об ирменской культуре – это вопрос времени. С моей точки зрения, приводить здесь детальную характеристику ирменской культуры нет необходимости, поскольку она уже рассматривалась в ряде обобщающих монографий [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Матвеев, 1993; Матюшенко, 1974; Молодин, 1985].

На указанной территории Правобережного Прииртышья изучено несколько погребальных и поселенческих комплексов ирменской культуры. Полностью исследованы могильники Преображенка-3 и Сопка-2/7, на достаточно значительной площади вскрыты отложения поселенческих комплексов Омь-1 и Каргат-6. Время бытования носителей ирменской культуры в рассматриваемом регионе (XIV – первая половина X в. до н.э.) определено на основе серии радиоуглеродных калиброванных дат для древнего (ирменского) участка памятника Чича-1 [Молодин, Парцингер, 2009].

Доминирующей отраслью экономики у носителей ирменской культуры, расселявшихся в зоне обширных речных пойм, несомненно, было оседлое или полuosедлое скотоводство. Оно прекрасно обеспечивало население необходимыми продуктами даже в неблагоприятные засушливые годы. Богатейший, неповторимый по своей специфике букет трав в этом районе Барабы (это впервые отметил в 1871 г. попавший сюда со специальной экспедицией академик А.Ф. Миддендорф [1871]) гарантировал получение качественных высококалорийных продуктов – мяса, молока, масла и сыра. Кроме того, важными составляющими рациона человека были продукты собирательства, рыболовства и охоты, позволявшие поддерживать необходимый калорийный баланс летом и осенью. Их запасали впрок, на зиму и весну.

Жизнь обитателей Правобережного Прииртышья в ирменское время была стабильной и, вероятно, достаточно комфортной в течение почти 500 (!) лет. Ирменская культура плавно, без каких-либо видимых

катаклизмов эволюционировала в позднеирменскую культуру переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, бытовавшую еще два с половиной столетия.

Краткую характеристику палеоэкономики носителей ирменской культуры следует дополнить данными о занятии земледелием [Сидоров, 1986]. Продуктов земледелия в отдельные благоприятные годы, вероятно, было так много, что для их переработки требовались жернова (ручная мельница), которые, судя по материалам раскопок, использовались также в погребальной практике [Бобров, Чижишева, Михайлов, 1993]. Производители муки могли снабжать излишками зерна своих соплеменников на западе и получать взамен какие-то иные продукты. Напомню, что, согласно исследованиям Л.Р. Кызласова, само появление в обиходе ручной мельницы свидетельствует о получении популяцией значительного количества зерновых [1985].

Благодаря экономической мощи ирменское население полностью освоило пригодные для скотоводства лесостепные районы рассматриваемой зоны и по удобным коридорам в болотных системах Южного Васюганья смогло проникнуть даже глубоко на север, в предтаежную зону. Свидетельством этого является поселение ирменской культуры Новочёкино-1, расположенное на р. Чёка, притоке Тары [Молодин, Зах, 1985]. В декоре на найденной здесь керамике классического ирменского облика имеются отдельные элементы, характерные для оформления посуды северных соседей – носителей сузгунской культуры, обитавших в эпоху поздней бронзы, в частности, в южно-таежной зоне Правобережного Прииртышья.

Таким образом, синтез ирменских и сузгунских черт, получивший отражение в орнаментике (при доминанте первых), свидетельствует не только об адаптации носителей ирменской культуры в новой для них среде, но и о контактах, результатом которых было смешение населения. Это привело к слиянию ирменских и сузгунских этнокультурных групп и завершилось в конце эпохи поздней бронзы (вероятно, в X в. до н.э.) формированием нового синкретичного по сути этнокультурного образования – барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984]. Своеобразный облик керамики позволяет сделать вывод о том, что пришедшие на данную территорию носители ирменской культуры, не получая уже сколько-либо серьезной подпитки из метрополии, постепенно растворились в местной среде. Более того, в этот же период носители этой синкретичной (или же собственно сузгунской) культуры мигрируют на юг, в центральную часть лесостепей Обь-Иртышья, отражением чего является захоронение ребенка представителей этой культуры на могильнике Сопка-2/8.

Похолодание и обводнение территории таежной зоны Западной Сибири вызвали движение населения не только в меридиальном (с севера на юг), но и в широтном направлениях. По каким-то пока не вполне понятным причинам на финальной стадии своей истории носители ирменской культуры допустили проникновение на свою территорию носителей западной культуры, именуемой пахомовской. Данная культура в эпоху поздней бронзы занимала обширные пространства междуречья Тобола и Иртыша [Корочкова, 2010, рис. 1]. В конце периода поздней бронзы ее носители двинулись с запада на восток по акваториям Оми и Тары, где оставили могильник Гришкина Заимка и погребения на памятнике Тартас-1, а также поселения Ходунеково и Ложка-6. В этих районах Правобережного Прииртышья пришельцы сосуществовали с автохтонным ирменским населением, а на севере (в бассейне Тары) – с сузгунцами. Механизмы их взаимодействия еще предстоит определить, но уже сегодня можно констатировать, что на северо-западе Барабы, в пределах рассматриваемой зоны, пахомовское население, двигаясь вверх по Таре (об этом свидетельствуют такие интереснейшие поселения, как Прорва [Евдокимов, Стефанов, 1980], Алексеевка XXI [Татарурова, Полеводов, Труфанов, 1997] и др.), вступало в контакты с носителями сузгунской культуры а точнее, ее барабинского варианта, на что указывает пахомовская керамика, представленная на поселении Новочёкино-3 [Молодин, 1985, рис. 74].

Таким образом, в конце эпохи бронзы носители пахомовской культуры проникают в северо-западную зону правобережного Прииртышья, где Омь была, по-видимому, южной границей их ареала, а Тара – северной, и адаптируются к местным условиям. Пришедшие с запада пахомовцы сосуществуют на данной территории с автохтонными ирменцами (в южной части) и уже адаптировавшимися в акватории Тары сузгунцами (представители барабинского варианта сузгунской культуры).

Иная ситуация складывалась на юге означенного участка Барабинской лесостепи, на границе с Кулундинской степью. Обширные пространства последней являлись зоной обитания и передвижения представителей нескольких культурных образований периода поздней бронзы, в т.ч. саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской, валиковой, черкаскульской групп и др. [Иванов, 1988; Папин, Федорук, 2005; Ситников, 2002; Удодов, 1994; Федорук, 2013; и др.].

На юго-востоке рассматриваемой в настоящей статье территории, в акватории оз. Чаны, на городище Каргат-6 в керамическом комплексе ирменской культуры выделены орнаментальные мотивы, характерные для т.н. валиковой посуды [Молодин, Новиков, Софеев, 2000]. Любопытно, что носители традиций

этой керамики, по наблюдениям Е.Н. Черных, занимали огромные пространства евразийского пояса степей [1983].

Контакты ирменцев с коренным населением южной и юго-восточной частей Барабы, видимо, не были мирными, такими, как в северной и западной зонах региона. На это указывают укрепленные поселения (городища). Тем не менее и здесь на юге, как на северо-западе, носители ирменской культуры вступали в контакты с южными соседями, перенимали у них отдельные элементы хозяйственно-бытовой деятельности (сооружение колодцев в жилищах), а также традиции орнамента посуды.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на завершающем этапе эпохи поздней бронзы в рассматриваемой части Правобережного Прииртышья существовало несколько этнокультурных групп населения. Одна из них – автохтонная – состояла из носителей ирменской культуры, относившихся к европеоидам с монголоидной примесью и обладавших сложившейся и динамичной материальной и духовной культурой. К ней добавилась группа представителей «гибридных» образований – барабинского (на северо-западе) варианта сузгунской культуры и южно-ирменского варианта, который сложился в результате контактов носителей классической ирменской культуры и культуры валиковой керамики. Еще одним элементом этнокультурной картины являются мигрировавшие с запада представители восточного варианта пахомовской культуры. Следует отметить, что сузгунцы, по-видимому, эпизодически перемещались в центральную часть рассматриваемой территории и контактировали здесь прежде всего с пахомовцами (рис. 5).

Важно подчеркнуть, что и южные, и западные, и северные группы мигрантов, проникших в рассматриваемый район Прииртышья, были культурно и этнически разнородными. С ирменским населением их сближало сходство, во-первых, в хозяйственной структуре, вероятно, с разными доминантами отраслей экономики, что позволяло находить территориальные ниши для сосуществования, во-вторых, в идеологии, в целом характерной для культур периода поздней бронзы евразийского степного и лесостепного пояса.

Мозаичное расселение на рассматриваемой территории столь отличных друг от друга этнокультурных групп обусловило формирование в дальнейшем еще более сложной этнокультурной ситуации в регионе, которая фиксируется по материалам переходного этапа от эпохи бронзы к железному веку.

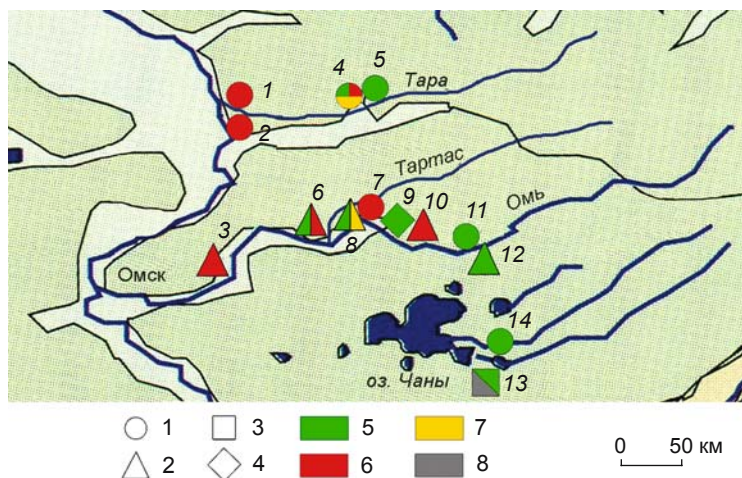

Рис. 5. Основные археологические памятники эпохи поздней бронзы в Правобережном Прииртышье.

1 – поселение; 2 – могильник; 3 – городище; 4 – святилище; 5–8 – культуры: 5 – ирменская; 6 – пахомовская; 7 – сузгунская; 8 – валиковой керамики. 1 – Прорва; 2 – Алексеевка XXI; 3 – Гришкина Займка; 4 – Новочекино-3; 5 – Новочекино-1; 6 – Тартас-1; 7 – Ложка-6; 8 – Сопка-2; 9 – Преображенка-2; 10 – Преображенка-3; 11 – Омь-1; 12 – Абрамово-4; 13 – Каргат-6; 14 – Чича.

К концу X в. до н.э. в западно-сибирских лесостепях складывается свита культур переходного периода от бронзового к железному веку. В это время в Правобережном Прииртышье формируется автохтонная позднеирменская культура, корни которой уходят в эпоху поздней бронзы; она генетически связана с предшествующей ирменской культурой. Носители позднеирменской культуры занимают уже несколько меньшую, чем их предшественники, территорию – от правобережья Оби на востоке до Прииртышья на западе (рис. 6).

Интенсивные миграции популяций в таежной и лесостепной зонах Западной Сибири явились причиной того, что позднеирменская культура оказалась под постоянным этнокультурным влиянием извне. Поэтому она крайне редко встречается в «чистом виде». Даже на таком долговременном поселенческом памятнике позднеирменской культуры в Правобережном Прииртышье, как Туруновка-4 классический для данной культуры набор посуды имеет явные признаки новаций [Молодин, Колонцов, 1984], связанных с берликскими и пахомовскими керамическими традициями.

Проникновение в Правобережное Прииртышье носителей северных, западных и южных культурных традиций и их в целом мирное сосуществование на одной территории с аборигенами обусловило появление в регионе огромных по площади городищ, по сути факторий. На их территории проживали представители нескольких этнокультурных групп с разными доминантами в хозяйственной деятельности, различными культурными традициями и погребальной

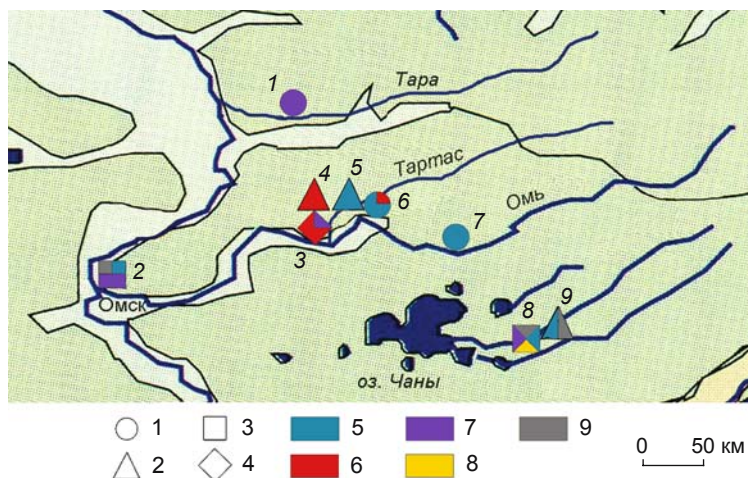

Рис. 6. Основные археологические памятники переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Правобережном Прииртышье.
1 – поселение; 2 – могильник; 3 – городище; 4 – святилище; 5–9 – культуры: 5 – позднеирменская; 6 – пахомовская; 7 – красноозерская; 8 – сузгунская; 9 – берлисская;
1 – Корчуган; 2 – Большой Лог; 3 – Тартас-1; 4 – Старый Сад-1; 5 – Кама; 6 – Туруновка IV; 7 – Омь-1; 8 – Чича-1; 9 – Чича-Здвинск.

практикой. Ярким проявлением данного феномена является городище Чича-1, расположенное в районе оз. Чаны [Молодин, Парцингер, 2006]. В ходе всестороннего анализа материалов памятника было установлено, что в одном поселке сосуществовали носители господствовавшей позднеирменской культуры, а также мигрировавшие с севера представители атлымской и сузгунской культур, пришедшие с запада носители красноозерской культуры, а также группы населения с юго-запада, которых я определяю как берлиские. Согласно результатам всестороннего анализа многочисленного керамического комплекса [Мыльникова, 2014], все эти группы не только совместно проживали на всей территории фактории [Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2008], но и интенсивно смешивались [Молодин и др., 2009], порождая по сути «гибридные» этносы (рис. 6).

Фактория Чича-1 была не единственной в рассматриваемом регионе. Не менее масштабным являлось городище Большой Лог, расположенное в низовье Оми, еще в одном оазисе Правобережного Прииртышья [Генинг и др., 1970]. Доминирующей популяцией на нем были также носители автохтонной позднеирменской культуры. Кроме того, на городище жили и пришельцы с юго-запада (берлисы), и представители северных популяций (сузгунцы), и мигрировавшие с запада носители красноозерской культуры [Членова, 1994]. По этнокультурному составу население Большого Лога и Чича-1 было близко, хотя по численности, по-видимому, различалось.

Образование факторий, подобных Чиче и Большому Логу, в которых проживало разное в культур-

ном и этническом отношении население, вероятно, следует считать не исключительным, а закономерным явлением для переходного этапа от эпохи бронзы к железному веку. Особенно наглядно данный феномен проявился в Левобережном Прииртышье и Притоболье. В Прииртышье возникла серия городищ Инберень, находившихся в непосредственной близости друг от друга [Абрамова, Стефанов, 1985]. Не удивлюсь, если проведение на них геофизических исследований поможет составить новое представление об этих комплексах с не менее грандиозной системой, чем на Чиче-1. В Притоболье подобные комплексы, например Карагай-Аул, имеющий также признаки сосуществования в одно время представителей разных культурных образований, исследованы В.И. Захом и О.Ю. Зиминной [1999]. Все перечисленные комплексы объединяют не только внушительные размеры, но и следы обитания на одном

жилом пространстве разных культурных групп. При этом и «набор» этнокультурных групп на памятниках, и представительность каждой из них в таких факториях всегда различны.

Вернемся к анализу историко-культурных процессов на территории Правобережного Прииртышья. В настоящее время можно утверждать, что наряду с автохтонным позднекротовским населением, составлявшим ядро обитателей городищ Чича-1 и Большой Лог, поселения Туруновка-4, в центральной части означенного региона продолжали жить носители пахомовской культуры, ее заключительного периода. Свидетельство этого – крупный некрополь Старый Сад-1, датированный по фрагменту стремечковидных окончаний удил переходным периодом от эпохи бронзы к железному веку [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012].

Вместе с тем необходимо отметить, что важным компонентом керамического комплекса могильника Старый Сад-1 является сузгунская посуда. Это позволяет сделать вывод об адаптации носителей сузгунской культуры в среде не только позднеирменцев, но и пахомовцев. О стабильной жизни носителей пахомовской культуры в рассматриваемый период свидетельствует недавно открытый и в значительной степени исследованный крупный ритуальный комплекс на памятнике Тартас-1 [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012]. Интересно, что на нем абсолютно доминирует пахомовская посуда, однако на время бытования данного ритуального комплекса указывает найденная здесь также позднеирменская керамика.

Не менее сложной выглядит этнокультурная ситуация, сложившаяся на северо-западе рассматриваемого региона, на Таре. Здесь при раскопках многослойного комплекса Корчуган была обнаружена классическая красноозерская керамика [Молодин, Новиков, Марченко, 2002], свидетельствующая о том, что носители этой культуры проникали в южную зону Правобережного Прииртышья по акватории Оми, а в северную – по Таре. Не исключено, что северный маршрут носителей культуры был более удобным и предпочтительным.

Таким образом, начавшиеся в финале эпохи бронзы процессы «гибридизации» культур и мозаичного расселения их носителей в правобережной части Иртышской лесостепи в переходное время от бронзового к железному веку резко усилились. Носители автохтонной позднеирменской культуры продолжали поддерживать и стремились укреплять этнокультурные контакты с мигрантами с севера – носителями сузгунской и атлымской культур, но особенно активно устанавливали связи с пришедшими с северо-запада красноозерцами, а также с проникшими с запада и юго-запада берликами. Мирному сосуществованию этих групп способствовала разная направленность их экономики: оседлое скотоводство у позднеирменцев, кочевое или полукочевое – у берликов, доминирующая роль присваивающих отраслей у сузгунцев и атлымцев, а возможно, и у красноозерцев. Все это позволяло не только избегать конкурентной борьбы за промысловые угодья (см.: [Молодин, Васильев, 2010]), но и дополнять потенциал друг друга (происходил обмен продуктами).

Этнокультурная ситуация в регионе в рассматриваемую эпоху усложнилась в связи с интеграцией обитавших здесь представителей восточного варианта пахомовской культуры с северянами – сузгунцами, а также (в меньшей степени) позднеирменцами. По-видимому, у позднеирменцев и пахомовцев была примерно одинаковая направленность хозяйственной деятельности, что требовало разграничения зон обитания. Однако позднеирменцы и пахомовцы, очевидно, предпочли компромисс конфронтации. Северную часть рассматриваемого региона в этот период активно осваивали носители красноозерской культуры.

Выводы

В эпоху поздней бронзы (XIV – первая половина X в. до н.э.) в правобережной части лесостепного Прииртышья сложился «западный анклав» мощной и самобытной ирменской культуры. Его процветанию способствовала благоприятная природно-климатическая обстановка. В северной части региона ирменцы

активно взаимодействовали с представителями таежной культуры, именуемой сузгунской. На юге, на границе со степной зоной Кулунды, ирменцы вступали в контакты с носителями культуры валиковой керамики. В результате на означенных территориях образовывались смешанные, по сути гибридные образования.

В конце указанного периода (X в. до н.э.) в связи с похолоданием в регионе появились носители пахомовской культуры; они двигались с запада по акваториям Оми и Тары. Пришельцы особенно активно контактировали на севере с представителями барабинского варианта сузгунской культуры. Связи с ирменцами были менее заметными.

Таким образом, на заключительной стадии эпохи поздней бронзы в рассматриваемом регионе складывалась мозаика из различных этнокультурных образований, в результате активных контактов между которыми порой формировались «гибридные» этнокультурные сообщества. В последующее время (вторая половина X – VIII в. до н.э.) с наступлением в регионе «голоценового ледникового периода» резко усилилась миграция популяций с севера на юг, что провоцировало передвижения этнокультурных групп не только упорядоченные – в меридиальном направлении, но хаотичные, подобные броуновскому.

Следствием этих процессов стала этнокультурная ситуация, которая получила отражение на рассматриваемой территории в материалах переходного от бронзы к железу времени (рис. 6). Некогда доминировавшая в регионе ирменская культура эволюционировала в позднеирменскую. Взаимодействие ее носителей с мигрировавшими на данную территорию в поисках более благоприятного места для проживания сузгунцами и атлымцами с севера, берликами с юго-запада, красноозерцами с северо-запада привело к формированию городищ-факторий, в которых сосуществовали и взаимодействовали носители разных этнокультурных образований. Вместе с тем в регионе достаточно автономно проживали носители пахомовской культуры; они активно контактировали с пришедшими с севера сузгунцами, а также, но в значительно меньшей степени – с аборигенами – позднеирменцами. Все это, говоря современным языком, привело к сложению в регионе подобия конфедерации. Формирование фратриального устройства общества [Зах, Зимина, 2005; Молодин, 2007], под которым в данном случае понимается «искусственное объединение неродственных родов в одно целое» [Дрэгер 1986, с. 208], а также образование крупных городищ-факторий – это первые признаки ремесленного производства [Дураков, 2009, с. 213–230]. Сложение своего рода конфедеративных анклавов можно считать проявлением протоцивилизационных процессов.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.** Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.
- Бараба в тюркское время** / Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Сидоров Е.А., Полосьмак Н.В., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Беланов П.И. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.
- Дрэггер Л.** Фратрия // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
- Дураков И.А.** Цветная металлообработка городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 213–230.
- Евдокимов В.В., Стефанов В.И.** Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 41–52.
- Елагин В.С., Молодин В.И.** Бараба в начале I тыс. н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 127 с.
- Зах В.А., Зими́на О.Ю.** Городище Карагай-Аул-1 в Нижнем Приобье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 151–156.
- Зах В.А., Зими́на О.Ю.** О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 112–119.
- Иванов Г.Е.** К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – с. 28–37.
- Корочкова О.Н.** Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Урал Юрт-Издат, 2010. – 104 с.
- Косарев М.Ф.** К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 3–7.
- Кызласов Л.Р.** Тагарская ручная мельница и ее значение // СА. – 1985. – № 3 – С. 65–71.
- Левина Т.П., Орлова Л.А.** Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1993. – Т. 34, № 3. – С. 36–48.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 182 с.
- Матюшенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4: Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 12. – С. 191.
- Миддендорф А.Ф.** Бараба. – СПб., 1871. – 123 с.
- Молодин В.И.** Бараба в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 36 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2007. – С. 58–67.
- Молодин В.И.** Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изучения в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкого). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010а. – С. 61–76.
- Молодин В.И.** Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экологические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010б. – С. 22–24.
- Молодин В.И.** Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2011. – С. 58–69. – (Тр. Сиб. ассоц. исследователей первобыт. искусства; вып. VII).
- Молодин В.И.** К вопросу о позднеирменской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 49–54.
- Молодин В.И., Васильев С.К.** Городище Чича-1: аборигены и мигранты (традиционная хозяйственная деятельность и адаптация к новым условиям) // Урал. истор. вестн. – Екатеринбург, 2010. – № 2. – С. 22–24.
- Молодин В.И., Зах М.А.** Поселение Новочекино-1 – памятник ирменской культуры севера Барабинской лесостепи // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 71–75.
- Молодин В.И., Колонцов С.В.** Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69–86.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Синкретичная керамика городища Чича-1 // Этноисторические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Издат. центр Южно-Ур. гос. ун-та, 2009. – С. 73–78.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С.** Этапы заселения городища Чича-1 (по результатам анализа керамического комплекса) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 54–67.
- Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В.** Ритуальные

комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохр. ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 1998. – 139 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 3).

Молодин В.И., Новиков А.В., Марченко Ж.В. Древняя и средневековая история Южного Васюганья // Большое Васюганское болото. Современное состояние и процессы развития. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – С. 5–29.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохр. ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2000. – 223 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 4).

Молодин В.И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 49–55.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 51–77.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромашенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 62–69.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 260 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты / В.И. Молодин, А.С. Пилипенко, Т.А. Чикишева, А.Г. Ромашенко, А.А. Журавлев, Д.В. Поздняков, Р.О. Трапезов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 46).

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 35 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко, С.Ф. Табеев, Л.В. Табацрева, С.Е. Тихонов, И.В. Томако. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Панадиани А.Д. Барабинская низменность. – М., 1953.

Папин Д.В., Федорук А.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. XIV. – С. 66–73.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Пульсирующее озеро Чаны. – Л.: Наука, 1982. – 263 с.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 54–66.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 23 с.

Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и поздней ирменской культуры: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 25 с.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1997. – С. 162–191.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 127–148.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 25 с.

Федорук А.С. Памятники эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышья (пространственно-организационный аспект) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – С. 161–165.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1983. – С. 81–99.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.

Членова Н.Л. О культурах эпохи бронзы лесостепной полосы Западной Сибири // СА. – 1955. – Т. XXIII. – С. 175–198.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Изд-во Пушин. науч. центра РАН. – 1994. – 170 с.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. об-ва СССР. Нов. сер. – 1957. – Т. 16. – С. 68–79.

Материал поступил в редколлегию 09.09.14 г.